

Бурков Сергей Борисович
Государственное Бюджетное Учреждение (ГБУ)
"Институт истории и археологии РСО-А"
Старший научный сотрудник отдела археологии.
г. Владикавказ.
E-mail: sergeyburkov59@yandex.ru

ИЗОБРАЖЕНИЯ КОЛУСНИЧИХ ВСАДНИКОВ И ЛОШАДЕЙ В КУЛЬТОВОЙ ПЛАСТИКЕ И ГРАФИЧЕСКОМ ИСКУССТВЕ КАВКАЗА КОНЦА II – НАЧАЛА I ТЫС. ДО Н.Э. ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ

ЧАСТЬ II

Açar sözlər: arxeoloji mənbələr, dəfn mərasimləri, heykəlciklər, inanlar, tunc kəmər, riders, atlar, döyüş arabaları, yaşı, сбруя.

Key words: archaeological sources, funeral rituals, figurines, cults, bronze belts, horsemen, horses, chariots, dating, harness.

Изображения лошадей – один из излюбленных мотивов для бронзовых поясов конца II-начала I тыс. до н.э., известных из различных регионов Закавказья. Важные для нас сведения содержатся в статье Дж.А.Халилова, опубликованной в 1962 г. Среди прочих изображений, на приведённой в его работе поясах присутствует много фигурок лошадей, как с всадниками, так и без них. В некоторых случаях лошади изображены с крыльями, в других – на головах животных выгравированы роговидные предметы, в которых можно усмотреть контуры луны. По его мнению, согласиться с мнением об урартийском происхождении бронзовых поясов нельзя, т.к. погребения с бронзовыми поясами датируются не позднее конца II / начала I тыс. до н.э. Широкие бронзовые пояса вошли в употребление не позднее начала I тыс. до н.э. Их родина – Центральное Закавказье [1, с.103, табл.VI,1, с.104, табл.VII,1, с.106, табл.IX,6, с.107, табл.X,1, с.96-97].

В ходе охранно-спасательных работ в 1960-1963 г. в местности Чобаног-Лунун юрду в каменном ящике № 4 был найден фрагментированный бронзовый пояс с изображением 2 лошадей, запряжённых в 2-х колесную повозку. Дата комплекса при публикации – IX-VIII вв. до н.э. В качестве аналогии автор, публикующий данную находку, приводит алогичный пояс, найденный в конце XIX в. Ж. Морганом в Ахталинском могильнике эпохи поздней бронзы. Бронзовый пояс с 2-х колесной колесницей и вооружёнными воинами найден в погребении конца II – начала I тыс. до н.э. у г. Степанавана [2, с.225, рис.4, с.226 - 227].

Изучению ряда бронзовых поясов, найденных на территории Армении, посвящена статья С.А.Есяяна и А.О.Мнацаканяна [3, с.277, рис.1,б, с.279, с.278, рис.2,б, с.280-281]. На поясе из Лчашена изображена 2-х ко-

лѣсная повозка, под ярмом идут 2 достаточно реалистично выполненных коня. Управляет ей человек в львиной маске или с головой льва. Дата – IX-VIII вв. до н.э. На поясе из Степанавана внутренняя полоса пояса украшена изображением (в интерпретации авторов) сцены боя между дружинами 2-х племѣн. У двух всадников показаны запасные кони. Боевая колесница запряжена 3 лошадьми, в кузове – 2 воина. Исходя их анализа данного изображения, мы вправе допустить, что если в погребении обнаруживаются две лошади, то в случае отсутствия колесничных принадлежностей подобное захоронение можно интерпретировать как всадническое. Кроме того, наличие среди погребальных приношений трех лошадей, при обнаружении деталей колесницы, может обозначать именно колесничную запряжку.

В статье Д.Джафаровой приводятся данные по 5 поясам из Азербайджана. Для нашей темы интерес представляют два из них. На поясе, найденном в начале 60-х гг. XX в. в каменном ящике в местности Хашбулак изображена колесница, в ней воин с луком и стрелой, в колесницу впряжены 2 лошади. На поясе из Западного Азербайджана с батальной сценой выгравированы 3 всадника на лошадях с копьями, у них – парные кони, вероятно - запасные. На колеснице – 2 человека, 1 – с луком, в колесницу впряжены 3 лошади.

Автор считает, что не правы те ученые, которые связывают появление и распространение бронзовых поясов с урартами, т.к. многие пояса найдены в погребениях XII-XI вв. до н.э. [4, с.4-6].

К теме, связанной с бронзовыми гравированными поясами, найденными на Кавказе, неоднократно обращался Б.В.Техов.

В 1964 г. он публикует обширную статью, посвященную бронзовым поясам Центрального Кавказа. В ней были представлены, в основном, находки из Тлийского могильника (пояса из погребений №№ 40,74 и 76), а также ряд подобных же находок из могильников Азербайджана, Грузии и Армении и материалы, хранящиеся в Государственном Эрмитаже, происходящие с территории Закавказья. Нас будут интересовать, прежде всего, пояса из Тлийского могильника. На поясе из погребения №40 представлены 6 всадников и 3 колесницы, а также 6 лошадей без всадников с украшениями на головах. У всех у них длинные хвосты. По описанию, данному Б.В.Теховым, конники в панцирях сидят без стремян, на их головах шлемы урартийского типа но, в отличие от подобных изображений из Эребуни (Арин-берд) и Кармир-Блура, их посадка более выпрямленная, и они без круглых щитов. Согласно его наблюдений, изображения всадников встречаются на предметах урартийской и ассирийской культур чаще других персонажей. Автор считает, что на поясе из погребения № 74 есть изображения лошади. В данной работе всадник на поясе из погребения № 76 не назван скифом, либо представителем ираноязычного населения, но в сноске № 1 на с.294 отмечено, что обычай вешать головы побежденных на уздечках коня существовал у скифов. Однако, это не совсем так. Относительно скифской традиции следует заметить, что у Геродота речь шла о скальпах, подвешиваемых к уздечкам коней, тогда как черепа приноси-

лись скифами своему царю в качестве подтверждения своей храбрости, сведений об их подвешивании к узде нет [5, с.202; 6, с.49]. Согласно автора, всадник сидит на низкорослой лошади с длинным и пушистым хвостом и в правой руке дрожит плеть с 3 кожаными (??) верёвочками, которые заканчиваются плоскими наконечниками. Кроме пояса из погребения № 40 - остальные - местного производства, их дата – конец II – начало I тыс. до н.э. [7, с.270, рис.5, с.272, рис.6-7, с.274, рис.7,3, с.275, с.276, с.280, с.284, рис.8,1-5, с.289, рис.14, с.292, рис.16.1, с.294, с.299].

В работе 1977 г. им приводятся данные по нескольким бронзовым поясам, найденным в Тлийском могильнике. Среди них – пояс из погребения №76, на котором, согласно автору, были изображены лошади, хотя в одном случае он сомневается, что изображено именно это животное. Лишь на поясе из погребения № 224 они узнаются безошибочно – у 21 фигурки показан длинный и пушистый хвост. По его мнению, их силуэты близки изображениям на бронзовых топорах т.н. «кобанского» типа, а также фигуркам 2 лошадей на втулке копья из с. Дзомаг. В этой монографии им приведена дата для тлийских поясов - XII-X вв. до н.э. [8, с.131, рис.99,12, с.133, рис.100,8, с.135, рис.101,2, с.172].

В 2001 г. им издается монография, посвящённая бронзовым поясам из Тлийского могильника. В ней были подробно описаны 11 из них: из погребений №№ 40-б, 74,76,161,168,215-б,224,350,363,419 и 425. Всего к избранной нами теме относятся 6 поясов: из погребений №№ 76,224,350,425 Тлийского могильника, а также 2 пояса из Закавказья: из Астхиблурского могильника, из Ахтали, и фрагмент пояса из Армении. Все гравированные пояса им были разделены на пять групп, однако принципы классификации не обозначены. Судя по описаниям, в одном случае её основой можно считать характер обработки поверхности, в другом – особенности самих изображений, что в чем-то повторяет принцип типологии, предложенный в монографии М.Н.Погребовой и Д.С.Раевского. Однако ими была разработана цельная схема, в основу которой был положен принцип изображения и выделены соответствующие серии, типы и группы. У Б.В.Техова этого не наблюдается. Так, в группе IV представлены пояса из погребений №№ 310 и 400, при этом последний назван единственным по оформлению декора, в связи с чем осталось неясным, почему все-таки он был помещён в одну группу с поясом из погребения № 310, оформленным иначе. В группу V включен единственный пояс из погребения № 385 по той же причине индивидуальности оформления: «он выделяется среди других гравированных поясов», но опять четко не обозначены критерии этого выделения. В главе II приведена сводная таблица бронзовых поясов из захоронений Тлийского могильника. Среди раздела «виды орнамента» присутствует 10 наименований, изображения лошадей отнесены к 13 виду, однако их силуэты не отмечены ни для одного из поясов. Изображения колесниц и всадников не представлены вовсе, из развернутых сюжетов отмечены лишь бытовые и охотничьи сцены, тогда как в тексте работы неоднократно описаны религиозно-магические действия. В таблице нет раздела датировок погребений с бронзовыми поясами. Общая датировка гравированных поясов Кавказа в

данной работе определяется Б.В.Теховым в одном случае VIII-VII вв. до н.э., в другом - VIII-VI вв. до н.э. Одновременно с этим им приводятся датировки Чабарухского и Пасанаурского кладов в рамках XI-VII вв. до н.э., погребения № 74 Трельского могильника - IX-VIII вв. до н.э., погребения № 3 Машаверского могильника - конец II-начало I тыс. до н.э. Эти даты им не оспариваются, равно как и принципы датировки бронзовых гравированных поясов, предложенные М.Н.Погребовой и Д.С.Раевским. Пояс из погребения № 74 датируется им VIII-VII вв. до н.э., пояс из погребения № 76 - второй половиной VIII, или точнее – VII в. до н.э. Относительно датировки данного комплекса у В.Б.Техова просматривается довольно противоречивый подход. Так, он считает, что весь комплекс из погр. № 76 едва ли можно отнести ко времени позднее VII в. до н.э., вернее – до середины VII в. до н.э., т.к. в середине VII в. до н.э. в тлийских комплексах предметы – в основном из железа, а в нём нет ни одного железного предмета. Бронзовый топор для датировки не годится, т.к. данная форма бытует с IX до конца VI в. до н.э. В то же время им признаётся, что бронзовые фибулы, найденные в данном захоронении, представляют собой ранние типы. В частности, с VIII в. до н.э. дужки у фибул становятся ромбовидными в сечении, они массивные, украшенные врезанными дуговидными линиями по всей поверхности и ёлочным орнаментом между ними, что соответствует образцам из погребения № 76. Но самое основное – в комплексе присутствуют терракотовые бусы, покрытые золотой штампованной фольгой, которые были характерны только для комплексов конца II – начала I тыс. до н.э. Они встречены также в погребениях №№ 224 и 350, где также зафиксированы бронзовые пояса. Им признаётся, что по манере исполнения и представленным персонажам пояс из погребения № 350 похож на пояс из погребения № 76. В то же время он считает, что последний относится к раннескифскому периоду, когда скифы занимали широкие просторы Кавказа и Передней Азии. Однако самые ранние северокавказские погребения датируются временем не ранее второй половины VII в. до н.э., когда в Тлийском могильнике уже повсеместно встречаются железные вещи, на что он сам и обратил внимание. В комплексе погребения № 419 есть железный кинжал, в связи с чем дата захоронения может быть отнесена к более позднему периоду. Описывая манеру посадки всадника с бронзового пояса из погребения № 76, Б.В.Техов ссылается на работу В.Б.Ковалевской, отмечая, что сильно согнутые ноги – показатель древней всаднической посадки, которая зафиксирована для IX в. до н.э. Б.В.Техов считал, что этот пояс мог попасть в Тли из другого региона. Местный мастер, изготовивший его, был хорошо знаком с графическим искусством Передней Азии и Древней Персии, по мельчайшим деталям пояс отличается от кобано-тлийской графики. Хотя несколько ниже он уже пишет о том, что это – переднеазиатский пояс. Что касается пояса из погребения № 40/б, то он – урартийский, изображения трех скачущих всадниках, повторенных трижды, на них изображены панцири и шлемы урартийского типа. В данном погребении также присутствуют железные кинжал и железный нож. На поясе из погребения № 215/б представлены изображения различного культурного характера. Так,

характер рисунка грифонов близок ассирийской традиции, у конников на головах урартийские шлемы и по сравнению с собственно тлийскими поясами – показаны сидящими без стемян в более выпрямленной позе, в их руках – кинжалы и дротики. В захоронении присутствуют и железные предметы. Однако пояс признан урартийским. В комплексе погребения № 245, где представлен ещё один пояс, также найден железный кинжал. Грифоны похожи на ассирийские. На нём изображены и два всадника, хвосты у лошадей длинные, они сидят без стремян, на головах урартийские шлемы, воины опоясаны широкими поясами. Согласно мнения Б.В.Техова, описанные выше пояса сделали местные мастера, т. ряду деталей они отличаются от урартийских образцов Их дата – VII в. до н.э. Он считал, что всадник, в виде сильно стилизованной фигуры, изображённый на поясе из погребения № 76 - это древнейшее изображение скифа, или шире - представителя доскифского ираноязычного населения. Всадник (в виде сильно стилизованной фигуры) сидит на низкорослом коне. Его ноги согнуты в коленях и переданы в одной плоскости. Лошади, выгравированные на поясе из погребения № 224 (21 изображение), очень близки к лошадиным фигурам на некоторых бронзовых топорах. Характер изображения лошадей с длинными хвостами на поясе из погребения № № 363 близок к 3 фигурам Мцхетского пояса из комплекса погребения № 168 [9, с.13, 17, 33-34, 46-47, 51, 54-55, 59, 79, 82, 86-87, 89, 91-93, 95, 100-101, 107, 111, 118, 127, 136, 151, 155, 157-159, 178, с.229, табл.31, с.246, табл.43, с.249, табл.49,2, с.250, табл.49-а, с.251, табл.49-б, с.258, табл.56, 7-10, с.259, табл.57, с.260, табл.58, с.261, табл.59, с.262, табл.60, с.265, табл.63, с.267, табл.65, с.284, табл.82, с.267, табл.65, с.285, табл.83].

В 2006 г. Б.В.Техов издает монографию, посвященную археологическим памятникам Южной Осетии. В ней автор ещё раз обратился к поясам из погребений №№ 74, 76, 350 и 419. По его мнению, первый пояс должен быть датирован VII в. до н.э. Им отмечено, что в погребениях Тлийского могильника, датируемых VII-VI вв. до н.э., почти все предметы, за исключением украшений, уже изготавливаются из железа. Анализируя т.зрения В.А.Ильинской на её датировку погребения № 76 не позднее середины VII в. до н.э., он счел необходимым специально отметить, что на его взгляд, она слишком занижена, т.к. в это время в тлийских комплексах встречаются, в основном, предметы из железа. В то же время, археолог считал, что их отсутствие в данном погребении не должно быть диагностирующим признаком. Упрекая С.Л.Дударева в том, что он для рассмотрения датировки данного комплекса предлагает проанализировать все предметы, встреченные в нем, тем не менее сам детально разбирает их. Б.В.Техов ещё раз отметил, что фибулы из погребения № 76 имеют ранние формы. Встречаемость терракотовых бусин в золотой фольге в данной работе почему-то отнесена к концу X в. до н.э., хотя ранее он их датировал временем от конца II тыс. до н.э., что соответствует началу X в. до н.э.[9, с.51, 95]. Точной даты комплекса погребения № 76 в работе нет, хотя автором и заявлено, что накопление новых данных вынудило его пересмотреть его датировку. Описывая всадника, изображенного

на этом поясе, он не называет его «скифом», но подчеркивает, что у персонажа лук «скифского» типа, а привешенная к уздечке «голова врага» соответствует скифской традиции. Это дает ему основания считать, что Кобанский и Тлийский могильники были оставлены ираноязычными племенами, генетически близкими скифам. В то же время, в качестве аналогий им приводится пояс из Астхиблурского могильника, где у всадников с копьями и щитами, а также у их запасных коней, также подвешены подобные же предметы. Однако данный пояс датирован концом II - самым началом I тыс. до н.э. [4, с.5-6]. Помимо того, что персонажи, изображенные на Астхиблурском поясе, никак не могут изображать «скифов», остается неясным и другой вопрос: нужно ли считать подобную параллель достаточным основанием для того, чтобы и погребение № 76 датировать тем же временем? К тому же Б.В. Техов специально отметил, что по ряду орнаментальных деталей он напоминает пояса из погребений №№ 74 и 76 Тлийского могильника. Одной из них считается манера исполнения рисунков колесниц и лошадей [10, с.224, 225, 228, 229 – 236, 239 – 243, с.282, рис.40, с.294, рис.53, с.295].

В 2017 г. М.Кастеллучиа опубликовала монографическое исследование, посвященное бронзовым поясам из Закавказья. Эта работа примечательна большой информационной базой, собранной из различных источников. В ней есть раздел, посвященный лошадям и всадникам. В связи с тем, что многие изображения лошадей сильно стилизованы, она сочла возможным применить простой способ их идентификации по признаку их оседланности человеком. Исходя из этого признака, ею были выделены несколько групп подобных изображений. Ею отмечается, что на серии поясов из северо-центральной Армении лошади имеют грациозное тело с довольно длинной шеей, два длинных уха с верхушками, загнутыми по направлению друг к другу, один глаз в профиль и длинную морду, на которой заметен рот, иногда открытый. Ноги короткие, и во всех случаях колени и копыта четко обозначены. Тело лошади полностью покрыто густой серией наклонных линий и рядом рисунков. Поблизости от шеи находится вертикальная полоса, покрытая серией кругов. Этот рисунок может быть повторен по всему телу. Возможно, что полоса возле шеи изображает хомут. Изображение нескольких лошадей из региона Самтавро более стилизовано. Фигурки изображены менее аккуратно, заметна тенденция удлинять некоторые части тела, особенно шею. Примечательно изображение гривы. Лошади, изображенные на поясах из Тли, иного типа. Автор разделяет всех всадников на несколько категорий, отличающихся между собой по предметам вооружения (копье или лук). Авторскому анализу были подвергнуты несколько бронзовых поясов (Асчи, Лори-Берд, Тли, Одзун, Самтавро, и др). Отмечено, что в одном случае гравировкой переданы реальные пропорции предметов, в другом – сильно стилизованное. На некоторых лошадях присутствует, видимо, защитное вооружение из ткани, кожи или металла. У некоторых всадников показаны запасные кони. Для всадника с пояса из погребения № 76 Тлийского могильника М.Кастеллучиа отмечает много деталей, в частности – глаза, волосы,

пальцы, кнут. По её мнению, из рта лошади свисает человеческая голова, возможно, ее держит всадник при помощи веревки. Лук назван массивным двояко-изогнутым. Интересны наблюдения, сделанные относительно конных лучников. Автор считает, что появление конных стрелков из лука может быть связано с экспансией кочевых народов с евразийских степей на Ближний Восток. По её данным, зона происхождения этих поясов ограничена северо-восточной частью Армении и зоной Самтавро в Центральной Грузии. Кроме того, обычно изображение конного лучника появляется только на поясах, где безошибочно определяется сцена охоты. В основном стрелки из лука показаны после пуска стрелы. Исключение составляет пояс из Тлийского могильника. Серия вертикально расположенных линий над их головами автор считает возможным трактовать как прическу или украшенный перьями шлем. Во многих случаях у стрелка есть запасная лошадь. Вероятно, охота продолжалась долгое время, если было необходимо менять лошадей. Автором отмечено, что появление конных лучников на Ближнем Востоке является предметом дискуссии. Судя по ряду изображений (Ново-Ассирийский рельеф из северо-западного дворца Нимруда Ашурназирпала II (885-859 до н.э.), печать из захоронения «В» из Тепе Сиалк (850-800 гг. до н.э.), древнейшие изображения конных лучников на Ближнем Востоке следует датировать временем от третьей четверти IX до н.э. до VIII в. до н.э. Изображения колесниц и запряженных в них лошадей в данной работе не анализируются, хотя на ряде поясов они присутствуют. Автор считает, что самое раннее появление бронзовых гравированных поясов на территории Закавказья может быть датировано XIII-XII вв. до н.э., время наибольшего распространения - IX-VIII вв. до н.э. Начиная с VIII в. до н.э. их использование начинает сокращаться и к VI в. до н.э. эта традиция исчезает [11, р.56-58, 68-70, 390-391].

Обобщая различные данные о гравированных изображениях лошадей, колесничных упряжек и всадников, можно отметить следующее. Чаще всего фигуры лошади показаны не реалистично, пропорции их тел искажены, особое внимание древние граверы уделяли показу таких частей тела, как шея, туловище, хвост. По особенностям изображения последних некоторые пояса могут быть датированы более точно. В некоторых случаях можно предполагать детали защитной амуниции в виде попона, седла и стремена не изображались. На головах некоторых из них зафиксированы украшения, либо предметы, связанные с культовыми церемониями. Значительная часть фигур, в которых можно предполагать лошадей, могут быть узанными лишь благодаря рисункам предметов запряжки, в то время как части тела этих животных не могут быть признаны принадлежащим лошадям (головы, уши, ноги). Вероятно, это – мифологические персонажи. Возможное изображение человеческих голов, привешенных, может быть, на кожаных ремнях, снизу к сбруе лошади, демонстрирует к ним особое отношение. Этот обычай не связан с обрядами ираноязычных кочевников. Всадники показаны вооруженными копьями, луками и стрелами, редко – мечами, в некоторых случаях присутствует защитное вооружение – панцири, круглые щиты, шлемы, пояса. Можно определенно

утверждать, что в конце II - начале I тыс. до н.э. в Закавказье были сформированы и принимали участие в боевых действиях колесницы и отряды конных воинов. Их появление – продукт внутреннего самостоятельного развития общества и не может трактоваться как влияние северных кочевников. Значительная стилизация изображений чаще всего не позволяет уточнить характерные черты предметов наступательного и защитного вооружения. Более детальны изображения луков и стрел, среди которых порой узнаются образцы, зафиксированные с помощью археологических раскопок, барельефов и письменных источников. Несмотря на то, что среди луков нет изображений т.н. «скифского» лука, некоторые из рисунков позволяют предполагать, что на вооружении конников присутствовал сложный лук т.н. «рефлексирующего типа». Всего на гравировках показаны, как минимум, 3 различные конструкции луков, отличающиеся по размерам. Некоторые из них были на вооружении и пеших воинов. В ряде случаев у всадников имелись запасные лошади. Они отсутствовали у тех персонажей, которые могут интерпретироваться как участники религиозно-магических действий, связанные с т.н. «священной охотой». В колесницы были запряжены от 1 до 4 лошадей, чаще всего их формы сильно стилизованы, но по изображениям можно проследить способ запряжки и форму дышла, что может помочь в вопросах датировок. Появление самых ранних образцов бронзовых гравированных поясов, имевших военно-культовое предназначение, может быть отнесено к последним векам II тыс. до н.э. Их наиболее активное применение соотносится с IX - VIII вв. до н.э. Пояса из погребений №№ 74-б и 76 Тлийского могильника могут быть датированы временем, не позднее конца IX- первой половины VIII в. до н.э.

Считается, что традиция захоронения коня с наездником проникла на Кавказ в конце II – начале I тыс. до н.э. вместе с индоиранскими племенами [12, с.61;13, с.187-189;14, с.131-136]. Однако, это не совсем так. Например, в Нагорном Карабахе в подкурганых погребениях ходжалы – кедабекской культуры захоронения многочисленных костяков лошадей (до 14 особей) встречаются, начиная с XIV в. до н.э. (Арчадзорский, II Довшалинский, Довшалинский курган № 120, Борсунлинский, Сарычобанский, Беимсаровский, Большой Барсулинский и другие – всего более 25 курганов). Встречены как захоронения голов, так и отдельных коней, а так же вместе с всадниками. При этом анализ конской узды показал, что она развивалась на местной основе на протяжении эпохи поздней бронзы и раннего железного века [15, с.78-81]. По мнению Ф.Э.Гулиева, со второй половины II тыс. до н.э. в Азербайджане происходит зарождение культа лошади, который превращается в основное идеологическое воззрение местных племенных союзов. Одна из социальных особенностей эпохи связана с формированием и совершенствованием конных воинских формирований. Помимо этого, материалы свидетельствуют о присутствии на территории Азербайджана колесничного войска, начиная со второй половины II тыс. до н.э. С середины II тыс. до н.э. в Азербайджане обряд захоронения коней со снаряжением в курганах относится к знатным

представителям общества, связанных с колесницами. Начиная с XV в. до н.э. обряд погребения лошадей был широко распространён во всех центральных районах Южного Кавказа. В западных районах Азербайджана этот обряд получил своё распространение в эпоху поздней бронзы (XIV–VIII вв. до н.э.). Кедабекские склепы, датированные концом II – началом I тыс. до н.э. демонстрируют материалы, которые могут быть интерпретированы как погребения представителей воинских формирований всадников [16, с.255, 262, 266, 275]. По мнению М.Н.Погребовой, сложение нового обряда, связанного с возросшей ролью лошади, впервые прослежено к концу II тыс. до н.э. в памятниках правобережья р. Куры в восточном районе Южного Кавказа [17, с.257]. Согласно Е.Е.Кузьминой, в Предкавказье и Закавказье культ коня появился лишь в третьей четверти II тыс. до н.э. (Лчашенские курганы). Более массовое распространение ритуальных захоронений коня отмечается лишь в погребениях конца II – начала I тыс. до н.э. Сложение образа конного бога – всадника относится к концу II – началу I тыс. до н.э. [18, с.35,46].

Археологически это процесс был засвидетельствован в ряде памятников. Так, в грунтовом погребении у с. Шахтахты был найден целый костяк лошади в сопровождении погребального инвентаря, но без захоронения человека [14, с.121]. В могильнике Парадизфестунг в каменных ящиках были захоронены отдельно лошади. Костяк лошади без черепа лежал между двумя алтарями в кургане № 5 Гараждамирли [17, с.226, 253]. На наш взгляд, эти примеры являют собой четкое свидетельство того, что данное животное являлось предметом специализированного культа.

В последнее время подходы к вопросу о появлении и распространении обряда захоронения лошадей в курганных на мятниках Закавказья были скорректированы. Так, М.Н.Погребовой были приведены данные по курганной группе в районе г. Шамкира у с. Гараждамирли, где были найдены захоронения лошадей. Даты сооружения курганов №№ 1 и 2 – XV – XIV вв. до н.э. №№ 4 и 5 – конец XVI – XIV вв. до н.э. В них были найдены фрагменты колесничьей упряжи и следы деревянного кузова, возможно – от колесницы, которая происходит из переднеазиатского региона. На нижнем фризе сосуда из кургана № 5 встречено и отдельное изображение лошади. Дата функционирования Лчашенского металлургического очага была отнесена к концу XV – XIV вв. до н.э. Наличие в курганах Гараждамирли, в отличие от памятников западного ареала, не только черепов, но и целых костяков лошадей, по мнению М.Н.Погребовой, позволяет по – новому взглянуть на причины широкого применения данной погребальной практики в Восточном Закавказье в эпоху поздней бронзы и раннего железного века [19, с.103-104]. К сожалению, данный тезис не был снабжён более развёрнутым комментарием, а в её монографии 2011 г. вновь утверждается, что погребальный обряд, прослеженный в степных курганах Восточного Закавказья не сформировался на месте, а был не позднее начала XIII в. до н.э. заимствован из региона Нижнего Поволжья – Южного Урала. По мнению данного исследователя, подобное заимствование могло, скорее всего, быть связано с проникновением носителей этого об-

ряда из Евразийских степей в восточнокавказские [17, с.98-99].

Детальному рассмотрению правомерности данной точки зрения необходимо посвятить специальное исследование, что будет предпринято нами в другой статье. Пока же тезисно отметим несколько принципиально важных моментов.

Это влияние отмечено ею лишь для трёх групп т.н. «степных» погребений, которые отнесены исследователем ко II периоду и датированы XIII в. до н.э. Однако, обряд сопроводительного конского погребения для изучаемой ею территории был зафиксирован, как минимум, на 2-3 столетия ранее. Отсутствие в «степных» погребениях деталей колесниц позволило М.Н.Погребовой считать их захоронениями всадников. В то же время она отметила, что псалиев продолговатой формы, для всадника весьма желательной, в инвентаре степных памятников не было. Ею же было отмечено, что двухчастные удила с напускными псалиями хорошо известны в памятниках Передней Азии со второй половины II тыс. до н.э. Они приходят на смену удилам с дисковидными псалиями и по мнению специалистов свидетельствуют о появлении качественно иного типа запряжки, возможно, связанного с использованием лошади под верх. Если раньше считалось, что такие формы население Закавказья заимствовало, то сейчас выясняется, что удила с круглыми в сечении прямыми псалиями – разновидность переднеазиатских удил – сложились в Закавказье, где они имеют практически единую форму.

Для погребальных традиций «синташты», как и погребений Нижнего Поволжья (срубная КИО), которые привлекаются ею для доказательства культурной преемственности, характерно наличие именно колесниц. В то же время, знакомство с ними населения Закавказья признается за переднеазиатским импульсом [17, с.112, с.47, с.64, с.124, с.138]. К тому же существование колесничной традиции в «синташте» ограничивается более ранним периодом – XVIII-XVII/XVI вв. до н.э. (по некалиброванным) [20, с.79,94], XIX-XVII вв. до н.э. или XX-XVIII вв. до н.э. (по калиброванным) датам [21, с.38]. Кстати, далеко не все исследователи склонны считать нахождение в синташтинских погребениях деталей двухколёсных повозок и предметов вооружения наличием именно военной элиты и её доминантой в синташтинском обществе, т.к. археологически не засвидетельствовано помещение в погребение колесниц целиком. По мнению Н.Б.Виноградова, опечатки колес, зафиксированные в погребениях, могут свидетельствовать о наследии катакомбников, для которых оно обозначало мифологический образ мира [21, с.38]. По мнению В.В.Ткачёва нет объективных свидетельств реальности существования в синташтинском обществе специализированного воинского сословия [22, с.129].

Заметим также, что синташтинские погребения, часто трактуемые как «курганы», на самом деле таковыми не являются. Так, Н.Б.Виноградов считает, что синташтинские «курганы» справедливее именовать «погребальными полями или площадками», где последовательно совершались захоронения членов большесемейной общины с локальными надмогильными сооружениями. Надмогильные сооружения возводились над от-

дельными погребениями, которые в процессе руинирования сливались и образовывали единую насыпь [21, с.21]. По наблюдениям С.А.Григорьева ранние комплексы курганными, в строгом смысле, назвать нельзя [20, с.92]. Согласно Д.Г.Здановичу, для некрополя «Аркаим»общая насыпь над погребальной площадкой не возводилась, но из завалов надмогильных конструкций над ней постепенно сформировалось невысокое аморфное всхолмление, в связи с чем «термин «курган» может употребляться здесь только условно и по традиции» [23, с.28].

Для того чтобы окончательно убедиться в справедливости данных выводов, обратимся к первоисточнику. Согласно публикации ритуально - погребального комплекса «Синташта», в него входили три объекта, обозначенные как СІ, СІІ и СІІІ. Для погребений первого объекта было характерно перекрытие ямы слоем жердей, сверху засыпанной слоем жёлтой глины таким образом, что перекрытие представляло собой купол в виде т.н. «голоса». Памятник СІІ – это малый грунтовый могильник, для которого авторы раскопок специально отметили, что первоначальной курганной насыпи над погребениями не было. Памятник СІІІ изначально представлял собой храм - святилище в виде платформы из глины и деревянных конструкций в виде усеченной пирамиды. На верхней площадке был сооружен сферический купол диаметром - до 4 м. и высотой 1 м. После завершения длительных погребальных церемониалов, вся конструкция в дальнейшем разрушилась и со временем приняла форму, близкую к курганной насыпи [24, с.131, 119, 121, 296, 339-340, с.341, рис.198].

Что касается захоронений лошадей - то, согласно диссертационного исследования Д.Г.Здановича, их целые костяки были встречены лишь в самом Синташтинском могильнике, что для данной культуры является не традицией, а исключением из общего правила. Синташтинское жертвоприношение животных – это необычайно сложный и насыщенный ритуальный акт [25, с.253-255], который входил в состав поминально - погребального цикла, однако специализированного культа лошадей, применительно к памятникам синташтинского типа, исследователями отмечено не было.

По Д.Г.Здановичу на раннем этапе эпохи средней бронзы жертвоприношения животных представляли собой устойчивую традицию с достаточно определёнными выраженными принципами и формами ритуала. На позднем этапе средней бронзы система обрядности становится всё более вариативной и эклектичной, а в начале позднего бронзового века традиция жертвоприношения животных деградирует [26, с.13,17].

Теперь несколько замечаний относительно возможных влияний на появление в Закавказье традиции погребения лошадей непосредственно с территории южнорусских степей.

Согласно Е.Е.Кузьминой, у «срубников» есть погребения с черепами лошадей, и отдельных коней, но они в своём большинстве относятся к раннему покровскому этапу [18, с.30]. По мнению Э.С.Шарафутдиновой, для ранних срубных памятников характерно присутствие воинских погребений. Рядовой характер позднесрубной культуры указывает на отсутствие такой социальной дифференциации общества, при которой выде-

ляются могилы родоплеменной верхушки – знати [27, с.192]. Н.Л.Членова особо подчёркивала факт отсутствия срубных памятников на Нижней Волге и в степях Предкавказья: южнее Сарпинских озёр и Элисты их почти нет. Нет их и на Кавказе. Эти данные особенно важны, т.к. свидетельствуют против гипотезы о движении срубников – иранцев на территорию Ирана через Кавказ. Эту гипотезу не подкрепляют и данные о связях Восточного Закавказья и Северного и Западного Ирана в области оружия, конского убора и керамики, подробно рассмотренные М.Н.Погребовой, поскольку эти связи ограничены Ираном и Закавказьем и не идут севернее Кавказа, а закавказские культуры не состоят ни в каком родстве со срубной культурой [28, с.90-91]. И.А.Сорокиной для территории степного Прикубанья в эпоху поздней бронзы было выделено культурное образование, по общим признакам входящее в срубный мир, но достаточно специфическое, что позволило ей определить его как прикубанский вариант срубной КИО, датированный XV-XII вв. до н.э. Для них были характерны впускные погребения с явственными чертами позднекатакомбных традиций, с крайне незначительным набором инвентаря (в основном – 1 сосуд) и полное отсутствие костей животных. При этом было специально подчёркнуто, что появление этих погребений не было связано с экспансией срубной культуры [29, с.279-287]. Украинские археологи отмечают, что лошади вместе с колесницами присутствуют в воинских раннесрубных погребениях [30, с.144]. В более поздних захоронениях сабастиновского этапа (культуры) таких погребений уже нет, исследователями отмечена преобладание безинвентарных захоронений либо их малая насыщенность инвентарём, а также отсутствие в них дисковидных псалиев с шипами, характерных для раннесрубного горизонта [31, с.61; 32, с.217-218; 33, с.37-38]. В последующей за сабастиновской белозёрской археологической культуре нет ни остатков лошадей, ни предметов узды [34, с.51]. В Дону-Волжском регионе вообще отсутствовал обряд помещения повозки в могилу [35, с.12]. Е.Е.Кузьмина пришла к выводу о том, что бронзовые дисковидные псалии с шипами для памятников в Передней Азии являлись собственной продукцией, а не имитацией степных форм [36, с.71]. Некоторые азербайджанские археологи отмечают присутствие в Восточном Закавказье керамики андроновского типа [37, с.105-129]. Ранее М.Н.Погрובה высказалась о керамике Тагиксена как о связующем звене между андроновской и восточнокавказской [14, с.111]. Однако даже она, повсеместно отстаивавшая тезис о присутствии среди материалов Восточного Закавказья эпохи поздней бронзы иноиранских корней, вынуждена была признать, что здесь скорее имело место использование универсальных знаков, а не прямое заимствование [17, с.54].

Таким образом, из приведённых выше свидетельств можно сделать некоторые выводы.

На наш взгляд, можно с полной определённой утверждать, что обряд погребения лошадей, для начального этапа поздней бронзы, вначале - для территории Восточного Закавказья, а в дальнейшем – и для всей территории региона, ближе к началу третьей четверти II тыс. до н.э., яв-

ляется продуктом собственного внутреннего развития. Нет никаких оснований считать, что данная традиция была изначально привнесена сюда с территории Доно-Волжского, либо Южно-Уральского регионов. Это подчеркивается и фактом постепенного развития всех атрибутов конской сбруи, вначале – колесничной, а в дальнейшем – и всаднической, основанной на местных образцах, в меньшей степени – заимствований из соседних областей.

В данном случае более уместно говорить не о привнесении данной обрядовой нормы индоиранскими племенами, а о её распространении в связи с широким использованием коня в условиях развития новой модели хозяйствования – вначале – подвижного, а затем – и кочевого скотоводства, а также в процессе формирования культа наездничества. Без наличия производственных и социальных условий его распространение, привнесённого малочисленной и этнически чуждой группой населения, осталось бы территориально локальным явлением, ограниченным по времени скоростью миксации пришельцев и утратой ими ведущих признаков погребальной обрядности. К тому же, на наш взгляд, следует различать такие понятия, как «культ лошади» и «роль лошади в погребальном обряде». В первом случае данное животное выступает как самостоятельный элемент обрядовой, причём – не только погребальной практики, но и изобразительной традиции, то во втором – является сопутствующим элементом именно погребальных ритуалов. По нашему мнению, для территорий Южного Приуралья и Нижнего Поволжья лошадь служила в качестве составного элемента обрядово-поминальных действий, но отнюдь – не самостоятельного культа. Вероятно, место и роль лошади должна восприниматься несколько шире отдельного символа, особенно – в связи с ростом роли этого животного в производственном процессе: в перекочевках стад, военном деле, а также как социального маркера в погребальной обрядности. В то же время, вряд ли стоит ожидать линейного соответствия между повышением роли лошади в погребальных ритуалах с ростом её изображений или увеличением количества объёмной пластики, хотя такая тенденция, несомненно, присутствует. Мы считаем, что, следует различать роль лошадей в идеологическом осмыслении мира и их использование в погребальной практике, где наличие того или иного предмета во – многом коррелируется, прежде всего, вопросами структуры родо – племенных коллективов и социального статуса погребаемых.

Практика использования лошадей в погребальных культах, зафиксированная в ряде захоронений Центрального и Северо-Восточного Кавказа, скорее всего, была сформирована под влиянием позднебронзовых племен Закавказья. Воздействие на его появление со стороны подвижных скотоводов Поволжья или Северного Причерноморья не просматривается. Для изучаемой нами территории на финальной стадии эпохи поздней бронзы и начального этапа раннего железного века фиксируется формирование элементов культа лошади. Мы считаем, что на это в значительной степени повлияло увеличение её роли в процессах формирования групп военизированной знати, обладающей сакральными и вождескими

функциями. Во временных рамках он фиксируются для самого конца II и первых двух веков I тыс. до н.э. В дальнейшем, по мере роста экономической и социальной значимости отдельных семей, последние начинают закреплять за собой права распоряжения скотом и иным социально значимым имуществом. При этом место и роль военно-религиозных лидеров большесемейных общин сводится к минимуму. Этим и можно объяснить отсутствие лошадей в погребениях Северо-Восточного и Центрального Кавказа после середины-конца I тыс. до н.э., когда социальная структура развитого кобанского общества претерпевает серьёзную трансформацию. К этому времени начинают выделяться стратифицированные группы профессиональных воинов, в т.ч. – всадников, что создает условия для изменения статуса и места лошади в поминально-погребальных традициях. Теперь более значимым становятся символы, связанные с упряжью, что находит свое отражение в помещении рядом с умершим воином лишь стандартизированной всаднической атрибуции, часто подчеркнутую предметами вооружения, прежде всего – наконечниками стрел. Для дальнейшего изучения этих процессов требуется привлечение материалов последующей эпохи, связанной с возросшей ролью лошади при значительном увеличении фактора подвижного скотоводства. Оно наблюдается не только у населения степной зоны, но фиксируется и у жителей горно-предгорной зоны Кавказа как северного, так и южного склонов. Однако, это – тема уже следующего комплексного исследования, к которому автор предполагает обратиться в дальнейшем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Халилов Дж.А. Бронзовые пояса, обнаруженные в Азербайджане // Материальная культура Азербайджана, вып. IV. АН АзССР. Баку, 1962, с.68-108.
2. Кесаманлы Г.П. Погребение с бронзовым поясом из Хачбулага (Азербайджанская ССР) // СА, 1966 № 3, с.221-227.
3. Есаян С.А., Мнацаканян А.О. Бронзовые пояса из Лчашена и Степанавана // Историко-филологический журнал АН Армянской ССР, 1977 № 3, с.276-281.
4. Джафарова Д. Бронзовые пояса как средство защиты воинов // IRS – Наследие, 2007, №№ 4-5 (28-29), с.4 - 6.
5. Геродот. История в 9 книгах (Перевод и примечания – Г.А. Стратановского. Л., «Наука», 1972. – 600 с.
6. Сланов А.А., Бурков С.Б. Значение обрядов обезглавливания и скальпирования в скифской военной культуре // Вестник СОГУ, серия «История и политология», 2013 № 3, с.49-54.
7. Техов Б.В. Бронзовые пояса Центрального Кавказа // Известия ЮОНИИ, т. XIII. Цхинвал, 1964, с.261-300.
8. Техов Б.В. Центральный Кавказ в XVI-X вв. до н.э.М., «Наука», 1977.– 240 с.
9. Техов Б.В. Графическое искусство населения Центрального Кавказа в

- конце 2 и в первой половине 1 тысячелетия до н.е. (по бронзовым поясам из Тли). Изд. ВНИЦ. Владикавказ, Цхинвал, 2001. – 316 с.
10. Техов Б.В. Археология Южной части Осетии. «Ир», Владикавказ, 2006. – 639 с.
 11. Manual Castelluccia. Transcaucasian Bronze Belts. With a preface by John Curtis. BAR International Series 2842. Publishing, Oxford, 2017. – 419 p.
 12. Ковалевская В.Б. Конь и всадник. Пути и судьбы. (По следам исчезнувших культур Востока) М., «Наука», 1977. - 150 с.
 13. Кузьмина Е.Е. Навершие со всадниками из Дагестана // СА, 1973 № 2, с.178 – 190.
 14. Погребова М.Н. Иран и Закавказье в раннем железном веке. М., «Наука». 1977. - 184 с.
 15. Джафарова Д. Возникновение военного дела в Карабахе в эпоху поздней бронзы и раннего железа. Баку, «Игтисад Университети», 2012. – 170 с.
 16. Гулиев Ф.Э. Погребения с конскими захоронениями в курганах Азербайджана. Баку, ЭЛМ, 2008. – 325 с.
 17. Погребова М.Н. История Восточного Закавказья: вторая половина II – начало I тыс. до н.э. (по данным археологии). ИВ АН РАН, М., «Восточная литература», 2011. – 422 с.
 18. Кузьмина Е.Е. Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племён Средней Азии и других народов Старого Света // Средняя Азия в древности и средневековье (Ред.: Б.Г.Гафуров, Б.А.Литвинский). М., «Наука», 1977. – 235 с., с.28-52.
 19. Погребова М.Н. Памятники Лчашенского типа. Особенности культуры восточного ареала // Древность: историческое знание и специфика источника, вып. IV. Тезисы докладов конференции памяти Э.А.Грановского и Д.С.Раевского (14 – 16 декабря 2009 г.). М., ИВ РАН, 2009. – 152 с. с.103 – 104.
 20. Григорьев С.А. Синташта и арийские миграции во II тыс. до н.э. // Новое в археологии Южного Урала (Отв. ред.: С.А.Григорьев). Челябинск, «Рифей», 1996. – 276 с. с.78-96.
 21. Виноградов Н.Б. Культурно-исторические процессы в степях Южного Урала и Казахстана в начале II тыс. до н.э. (Памятники синташтинского и покровского типов). Автореферат дисс. доктора ист.наук. М., 2007. – 47 с.
 22. Ткачёв В.В. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Актобе: Актюбинский областной центр истории, этнографии и археологии, 2007. – 384 с.
 23. Зданович Д.Г. Аркаим: некрополь (По материалам кургана 25 Большекарагадинского могильника). Книга 1. Челябинск, Южно-Уральское книжное издательство, 2002. – 216 с.
 24. Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта: археологические памятники арийских племён Урало-Казахстанских степей. В 2 частях. Часть 2. Челябинск, Южно-Уральское книжное издательство, 1992. – 408 с.
 25. Гайдученко Л.Л., Зданович Д.Г. Жертвоприношения животных в обрядности могильников Синташтинского типа // Комплексные обще-

- ства Центральной Азии в III-II тыс. до н.э.: региональные особенности в свете универсальных моделей. Материалы конференции 24 августа-2 сентября 1989 г. (Ред.: Д.Г. Зданович, Н.О. Ивалова, И.В. Предеина). Челябинск, ЧелГУ, 1999. – 363 с., с.253-255.
26. Зданович Д.Г. Жертвоприношения животных в погребальном обряде населения степного Зауралья эпохи средней бронзы. Автореферат дисс. к.и.н. Екатеринбург, 2005. – 23 с.
 27. Шарафутдинова Э.С. Памятники конца эпохи бронзы на Нижнем Дону и в степном Прикубанье // СА, 1991 № 1, с.184-196.
 28. Членова Н.Л. Археологические материалы к вопросу об иранцах докифской эпохи и индоиранцах // СА, 1984 № 1, с.88-103.
 29. Сорокина И.А. О прикубанском варианте срубной культурно-исторической общности // Древности Ставрополя. Сборник научных статей (Отв. ред.: Р.М. Мунчаев). М., Наука, 1989. – 288 с., с.279-287.
 30. Березанская С.С., Отрощенко В.В., Чередниченко Н.Н. Шарафутдинова И.Н. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев, «Наукова Думка», 1986. – 166 с.
 31. Черниенко Ю.А. Сабатиновская культура в системе древностей бронзового века Юга Восточной Европы // Stratumplus, 2014 г. № 2, с.13-212.
 32. Шарафутдинова Э.С. К вопросу о сложении срубной и сабатиновской культур // История и археология Слободской Украины. Тезисы докладов и сообщений Всеукраинской конференции, посвященной 90-летию XII Археологического съезда (Гл. ред.: В.С. Михеев). Харьков, ХГУ, 1992. – 231 с., с.217-218.
 33. Шарафутдинова Э.С. О культурно-хронологическом соотношении срубных и сабатиновских древностей // Сабатиновская и срубная культуры: проблемы взаимосвязей Востока и Запада в эпоху поздней бронзы. Тезисы докладов I Всесоюзного полевого семинара 10 - 18 сентября 1990 г. НАНУ, ИА, Днепропетр ГУ, Киев, Николаев, Южноукраинск, 1977. – 106 с., с.37-38.
 34. Маслов В.Е. К вопросу о происхождении курганов с «шатровыми» перекрытиями // Переход от эпохи поздней бронзы к эпохе железа в Северной Евразии. Материалы Круглого стола 23 – 24 июня 2011 года. (Отв. ред.: А.Ю. Алексеев, В.А. Алёшкин, В.С. Бочкарёв). СПб., 2011.–80 с., с.49-53.
 35. Чекушков И.В. Колесничный комплекс эпохи поздней бронзы степной и лесостепной Евразии (от Днепра до Иртыша). Автореферат дисс. к.и.н. М., 2013. – 24 с.
 36. Кузьмина Е.Е. Синташтинский тип памятников и их этническая атрибуция // Аркаим – Синташта: древнее наследие Южного Урала: к 70-летию Г.Б. Здановича (Отв. ред.: Д.Г.Зданович). Том 2. Челябинск, ЧелГУ, 2010. – 214. – 184 с., с.66-76.
 37. Гусейнова М.А., Алиев И.Н. Среднебронзовые курганы Гараджамирли Шамкирского района Азербайджана // Şəmkiр arxeoloji irsi, tarixi və memarlığı. I Respublika Elmi Konfransının Materialları. Bakı, 2008, с. 105-129.

Sergey Borisoviç Burkov

**E.Ə. II MİNİLLİYİN SONU – I MİNİLLİYİN ƏVVƏLLƏRİNDƏ
QAFQAZDA DİNİ FİQURLARDA VƏ QRAFİKA MƏDƏNİYYƏTİNDƏ
DÖYÜŞ ARABALARI, SÜVARI VƏ AT TƏSVİRLƏRİ.
MƏNBƏLƏR VƏ TARİXŞÜNASLIQ
II HİSSƏ**

XÜLASƏ

Məqalədə dini fiqurlarla, eləcə də Cənubi Qafqazda tapılan və üzərində at, süvari və döyüş arabaları təsvirləri olan tunc kəmərlərlə bağlı mənbələr və araşdırmalar analiz edilir. Məqalədə bu ənənənin yaranması və inkişafı şərtlərinin təhlili, əşyaların dövrləşdirilməsi, həkk olunmuş təsvirlərin bədii üsulları və formaları, silah elementləri təhlil edilmişdir. Müəllif qəbir və yaşayış yerləri materiallarının, eləcə də bu komplekslərdən və təsadüf nəticəsində tapılan tunc kəmərlərin təhlili əsasında bir sıra simvolların şərhini verir. Tli torpaq qəbrindən aşkar edilən tapıntılara xüsusi diqqət yetirilmişdir. Müəllif materialların təhlilinə istinad edərək mənbələri şərh edir və bu problemi öyrənən digər tədqiqatçıların nəticələrini tənqidi qiymətləndirir.

Sergey Borisovich Burkov

**IMAGES OF THE CHARIOT DRIVERS, HORSEMEN AND HORSES
IN THE CULT FIGURES AND THE GRAPHIC ARTS OF THE
CAUCASUS OF LATE II – EARLY I MILLENNIUM BC
SOURCES AND HISTORIOGRAPHY
Part II**

SUMMARY

The article analyzes the sources and the studies of the objects of the cult figures, as well the bronze ornamental belts found in the South Caucasus, in relation to the images of horses, chariots and riders. The article provides analysis the conditions of appearing and development of this fine tradition, the dating of the items, and analyzes artistic methods and forms of the engraved drawings, the elements of weapons. The author offers interpretation of a number of characters based on the analysis of materials of the funeral and household sites, and also the bronze belts found in complexes and found by accident. Special attention is paid to the findings from the Tli burial ground. With reference to the analysis of the materials, the author interprets the sources and the critically evaluates conclusions of other researchers involved in the study of this problem. Results of the work are issued by a number of observations, generalizations and conclusions.